

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Попова Дмитрия Владимировича «Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Обращение автора к проблематике, заявленной в теме диссертации, можно только приветствовать, поскольку актуальность выносимых на обсуждение вопросов, связанных с формированием новых форм управления жизнью, является несомненной и требует своего осмысления в перспективе сегодняшних реалий. Нужно заметить, что фундаментальных работ по биополитике и биовласти в отечественной философии практически нет, и данное обстоятельство, безусловно, свидетельствует в пользу диссертации Д. В. Попова.

Автор очень хорошо владеет современными философскими работами по теме своего исследования, ориентируется в фактической стороне анализируемой проблемы, а также демонстрирует высокий уровень общей эрудиции.

Происходящие кардинальные сдвиги и изменения в современном обществе требуют и новых методологических подходов к их изучению. В этой связи нужно отметить, что автор работает на стыке археологии знания, социального конструктивизма и диалектики, сочетание которых, как свидетельствует данное исследование, несет в себе значительный эвристический потенциал. При этом автор использует разные методологические подходы не эклектично, чисто механически соединяя их, а делает это вполне осмысленно и обоснованно, в границах совместимости их базовых принципов.

Особо стоит отметить и поддержать автора в его попытке соединения конструктивного и деструктивного воздействия биополитического управления жизнью в рамках единой объяснительной модели. Здесь вырисовываются четкие перспективы и направления концептуализации современных форм проявления биополитики, которые верно подмечены автором и находят свое отражение в постановке задач и в положениях, выносимых на защиту.

Тем не менее, в процессе ознакомления с авторефератом у рецензента возникло несколько замечаний и вопросов.

Автор затрагивает чрезвычайно широкий круг проблем и аспектов (социально-философских, исторических, культурно-антропологических, футурологических, политических, технологических), так или иначе связанных с управлением жизнью. Часто попытки «объять необъятное» сопряжены с качественными издержками, так как не позволяют надлежащим образом углубиться в тему и обстоятельно проработать изучаемый материал. Целесообразнее было бы ограничиться фиксированным набором ключевых вопросов, это позволило бы лучше сфокусироваться на анализе сущности и основаниях биополитического вторжения в человеческое бытие, а диссертация тем самым приобрела бы более фундаментальный характер. Впрочем, это всего лишь то впечатление, которое производит тезисное изложение работы в автореферате.

Кроме того, это еще и размывает предметно-дисциплинарные границы биополитического дискурса: если конструирование человека и человечества во всем многообразии его форм сводится к биовласти, тогда сама биовласть становится чем-то максимально неопределенным в силу ее вездесущности. С одной стороны, автор абсолютно прав, когда говорит о том, что биовласть именно к этому и стремится, но, с другой стороны, требуется все же показать или даже задать пределы ее экспансии. Иначе говоря, означают ли универсалистские претензии биовласти, что ею будут колонизированы те области человеческой жизни, которые не сводятся или не относятся к биологии?

Требует своего обоснованного уточнения второй параграф третьей главы. На стр. 26 автор, анализируя социализацию человека сквозь призму биополитики, констатирует: «Логика исключения и разделения является определяющей для сферы политического, где она выступает как различение друга и врага (К. Шмитт)». Такой подход к пониманию политического не является бесспорным, есть другие концепции, утверждающие политическое бытие на основе дружбы, согласия, совместной деятельности (Х. Арендт, Ж.Л.

Нанси и др.). Является ли позитивная («конфирмантропная» в терминологии автора) биополитика выражением политического «согласия» или она остается по-своему вписанной в логику политической вражды и сегрегации? Не является ли инклюзия политическим преодолением биополитической эксклюзии? В чем вообще автор усматривает принципиальное различие между политическим и биополитическим?

В положениях, выносимых на защиту, автор полагает возможность такого развития биополитики, когда она будет способствовать раскрытию человеческого потенциала (стр. 15). Как известно, основные теоретики биовласти (М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Мбембе и др.) и их концептуальные предшественники (М. Хайдеггер, Х. Арендт) оценивали сущность биополитики целиком или преимущественно негативно. Если биополитика с необходимостью редуцирует человеческое бытие к животности (*animalitas*), к голому факту живого существования, тогда как, оставаясь в границах биополитики, можно избежать дегуманизации и насилия? Не оказывается ли общество, устроенное «позитивной» биополитикой, всего лишь чем-то вроде «хорошего концлагеря» (Дж. Агамбен, С. Жижек)? Этот момент нуждается в прояснении.

Разумеется, идеальных диссертаций, полностью избавленных от недостатков, не бывает в принципе, поэтому данные замечания никоим образом не влияют на исключительно положительное впечатление от проделанной автором работы. В целом можно говорить о достаточно интересной философско-антропологической модели объяснения биовласти в аспекте ее амбивалентного представления.

К несомненным достоинствам работы следует отнести тщательную проработанность проблемы и выводов, убедительную аргументацию, широкий охват теоретического материала и творческий подход к осмыслению темы. В диссертации выдвинут и обоснован ряд нетривиальных идей, обладающих научной значимостью, которые можно небезосновательно квалифицировать как научное достижение. Полученные в ходе проведенного исследования результаты могут найти применение в дальнейшем изучении биовласти и связанных с ней

феноменов в рамках философии, культурологии, политологии, социологии, этики, а также на стыке этих предметных областей.

Достоверность и обоснованность сформулированных в диссертации выводов обеспечивается использованием методологических подходов и принципов, адекватных объекту, предмету, цели и задачам исследования. Текст автореферата соответствует паспорту специальности, по которой диссертация выдвинута на защиту. Основные положения работы представлены в публикациях автора по теме исследования, в том числе в изданиях, включенных в перечень ВАК, а также индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science.

Таким образом, на основании содержания автореферата можно заключить, что диссертация Попова Дмитрия Владимировича соответствует требованиям п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г. №842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Доктор философских наук (09.00.11), доцент,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
(ИФиП УрО РАН)

_А.В. Яркеев

Подпись Яркеева Алексея Владимировича удостоверяю.
Заведующий отделом кадров

_Ю.В. Новиков

09 марта 2023 г.

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
Тел./Факс: (343) 374-33-55
Сайт: <http://www.ifp.uran.ru/about/rec/>
E-mail: admin@instlaw.uran.ru